

18+

Алишер Токсанов

Возвращение гоблина Марата

Алишер Таксанов

Возвращение гоблина Марата

«Издательские решения»

Таксанов А.

Возвращение гоблина Марата / А. Таксанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691610-4

Вторая книга о гоблине Марате. Вновь этот сказочный и вредный персонаж оказывается в различных переделках, однако все завершается благополучно для него: сбегает из армии, отвечает на вопросы социолога, катается на велосипеде, служит потомку Дон Кихота и даже умирает, чтобы позже воскреснуть.

ISBN 978-5-00-691610-4

© Таксанов А.
© Издательские решения

Содержание

Как гоблин Марат оруженосцем был	6
Марат в обсерватории	16
Как гоблин Марат в кино снимался	21
Телефонная жизнь гоблина Марата	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Возвращение гоблина Марата

Алишер Таксанов

Редактор ChatGPT

Иллюстратор ChatGPT

© Алишер Таксанов, 2026

© ChatGPT, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-1610-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как гоблин Марат оруженосцем был

У гоблина Марата не было работы. Он вообще не занимался никаким трудом, не знал ни одного ремесла и не испытывал ни малейшего желания чем-то полезным занять себя, заслужить почёт или уважение со стороны людей. Как существо Марат был злобным, тупым, хитрым и при этом удивительно безразличным ко всему, что не касалось его собственной выгоды: он мог часами сидеть и смотреть, как кто-то страдает, если только это не мешало ему пересчитывать свои деньги или жевать что-нибудь гадкое. Он ненавидел мир за то, что тот существовал без его разрешения, и людей за то, что они вообще имели наглость быть не гоблинами.

Единственное, что он умел по-настоящему, – это считать деньги и хранить их в тяжёлом, заколдованном сейфе, который стоял у него в доме как алтарь жадности. Да, ещё он умел колдовать, правда плохо и почти всегда неправильно: его заклинания вместо того, чтобы вредить другим, чаще взрывались у него в руках, превращали мебель в слизь или отращивали ему лишние уши, так что Марат регулярно страдал от собственных чар больше, чем его враги. Поэтому к нему никто не приходил ни за помощью, ни за советом, ни даже просто в гости. И сам гоблин никого не звал, потому что не желал видеть ни людей, ни зверей, ни магических существ.

И всё же однажды к нему пришли.

Гоблин сидел на своём пеньке перед домом и медленно жевал свежвыпеченную жабу в томатном соусе, жир капал ему на подбородок, а острые кости похрустывали между зубами. Он мечтал найти где-нибудь клад и стать ещё богаче, а значит, ещё жаднее, когда рядом оставился всадник. Это был человек в блестящих рыцарских доспехах, весь в царапинах и вмятинах, словно его недавно били чем попало и отовсюду. Он восседал на свиноконе – это была специально выведенная порода боевых скакунов, похожих на огромных вепрей с копытами: коротконогие, мускулистые, с клыками и налитыми кровью глазами, сильные, злобные и бесстрашные. Обычно на свиноконях воевали орки и тролли, потому что только им подчинялись эти твари, и потому Марат с удивлением смотрел на человека, который удерживал такого зверя, да ещё и сам был облачён в тяжёлый панцирь.

– Эй, ты, жаба! – высокомерно сказал незнакомец, направив в сторону гоблина копье. – Ты слышишь меня?

Слово «жаба» вовсе не показалось Марату обидным. Напротив, он гордился тем, что по своей мерзкой и склизкой природе имел генетические корни в этом упрямом, живучем земноводном. На любое другое обращение он бы просто не отреагировал, но сейчас всадник, сам того не желая, назвал его чем-то почти уважительным, хотя, конечно, хотел унижить и подчеркнуть его ничтожный, по человеческим меркам, социальный статус.

– Чего тебе? – поинтересовался Марат, не переставая жевать. Он не собирался ради кого бы то ни было прекращать столь приятное занятие – жрать жабий бутерброд, намазанный кислым соусом и приправленный пеплом. То, что он вообще ответил, а не превратил незваного гостя в головастика, уже было с его стороны добрым делом. Для Марата не существовало понятий вроде сословий, титулов и званий: у гоблинов все гоблины равны, просто кто-то богаче, а кто-то глупее.

Последовал высокомерный, но при этом напыщенно-торжественный ответ:

– Я ищу дракона!

– Дракона? – брови Марата взлетели вверх. – Это ещё зачем?

Гоблины не любили драконов, потому что те обожали золото, как и они сами, но были в этом куда успешнее: драконы сжигали гоблинские логова, чтобы забрать их жалкие клады, считая гоблинов ворами своего законного богатства.

Рыцарь усмехнулся и посмотрел на Марата свысока:

– Ты, похоже, не понял, с кем разговариваешь?

– С кем? – безо всякого почтения спросил гоблин. Ему было глубоко безразлично, кто разъезжает по этим дорогам – король, герой или последний бродяга, всех он презирал одинаково.

И тогда незнакомец поднял копьё и, хлопнув щитом по морде свиноконя, торжественно произнёс:

– Так знай, я – Дон Хуан Мигель Тьфутаракань Паркентский, потомок самого Дон Кихота Ламанческого в сороковом поколении!

Дон Кихот был безумным, но благородным рыцарем, который сражался с ветряными мельницами, принимал их за великанов и всю жизнь пытался защитить слабых и обездоленных, даже если мир над ним смеялся.

– А кто это такой? – снова без особого уважения спросил Марат. Его уже начинала раздражать ситуация: этот незнакомец топтался возле его дома, пугал жабы и мешал сосредоточиться на чревоугодии, а главное – было совершенно непонятно, какого чёрта его сюда вообще занесло.

Похоже, незнание гоблином истории рыцарского движения ошеломило Дон Хуана Паркентского. Он застыл, потом с силой начал стучать копьём по своим латам, и жёсткий металлический звон разнёсся по всей округе, будто кто-то бил в пустые колокола, призывая духов глупости. Латы гремели, щит дрожал, а свиноконь недовольно переступал копытами, и рыцарь, запрокинув голову, возопил:

– О горе! Какая невежда сидит предо мной!

Слово «невежда» было вторым любимым словом Марата после «жаба». Оно казалось ему тёплым и даже почти ласковым, потому что подтверждало его полное равнодушие к знаниям и правилам этого мира. Гоблин с интересом посмотрел на рыцаря, причмокивая губами, запачканными томатным соусом.

– Да, это так, – с гордостью подтвердил свой статус невежды Марат.

И тогда рыцарь, окончательно убедившись, что перед ним существо безнадёжное, тяжело вздохнул и сообщил:

– Так знай, сын осла и барана, что Дон Кихот был великим рыцарем, победителем драконов и освободителем рабов от рабства! Об этом писал знаменитый Сервантес!

– А-а-а, – протянул Марат, который за всю жизнь не прочитал ни одной книги и толком не умел складывать буквы в слова. В его голове «Сервантес» тут же превратился в жирную жестяную банку с рыбными потрохами, чем-то вроде особо вонючих консервов, которые было бы приятно вскрыть и вылизать.

– Я – продолжатель дела моего прапра... короче, деда, я веду беспощадную борьбу с драконами! А это – мой Росинант Большой, – Дон Хуан Паркентский хлопнул по клыку свиноконя. – Настоящий Росинант сдох, не оставив потомства, и мне пришлось искать достойное животное, с которым я буду сражаться против драконов и прочих чудовищ. И я назвал его в честь той лошади, что была у Дон Кихота!

Свиноконь хмуро посмотрел на Марата и хрюкнул в знак приветствия, так, будто признавал в нём родственную мерзкую душу. Но гоблин понимал язык животных и услышал вовсе не приветствие, а что-то вроде: «Чего устался, придурок?» Обижаться на такое было глупо, поэтому Марат только продолжил жевать, выплёвывая косточки жаб на землю.

Стояла жаркая, удушающая погода: воздух дрожал над землёй, пах пылью, тухлой травой и перегретой жижей из болот, и Марат её ненавидел, потому что в жару его слюнь становилась особенно липкой. Разговор с рыцарем начинал его утомлять.

– Так что от меня ты хочешь?

Сам Марат удивлялся своему терпению: обычно он уже давно бы превратил такого гостя во что-нибудь съедобное.

– Я ищу драконов! – снова заявил Дон Хуан Паркентский.

– Зачем?

– Сражаться с ними!

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем сражаться с ними? Зачем искать неприятности? Драконы – животные злобные! Они у нас, гоблинов, ценности отнимают. А вас, людишек, в фарш перекручивают, огнём поджаривают и пожирают...

Вопрос застал Дон Хуана Паркентского врасплох. Он явно никогда не задумывался над этим и теперь растерянно покрутил головой, словно в ней застряла муха, пытаясь найти подходящий ответ. В это время Росинант Большой, совершенно не смущаясь, выложил перед ним большую, дымящуюся кучу дерьма, от которой сразу потянуло тёплым, сладковато-едким запахом. Мухи тут же налетели, закружились над свежим испражнением густым чёрным облаком. Марат такие запахи обожал, а мух – ещё больше, поэтому вовсе не оскорбился, а наоборот, начал ловить их липкими пальцами и засовывать в рот, хрустя ими в прикуску к своему жабьему бутерброду.

– Так требует долг рыцаря! – наконец-то нашёлся всадник.

– А за этот долг платят?

И опять вопрос застал Дон Хуана Паркентского врасплох. Его лицо вытянулось, под шлемом зашевелились брови, будто две испуганные гусеницы, а мысли начали метаться и сталкиваться друг с другом, не находя выхода, потому что особым интеллектом он действительно не обладал: в его голове прекрасно уживались только понятия «вперёд», «враг» и «бей», всё остальное вызывало боль, сравнимую с зубной.

– Нет, у таких долгов нет финансовых обязательств! Мы делаем это бескорыстно! – ответ показался самому всаднику важным и возвышенным. – Мы люди благородной крови!

Для гоблина не было различий в крови – крысиная она или человеческая, всё было одинаково приятно пить.

– Тогда пустая трата времени! – махнул рукой Марат, окончательно теряя интерес к рыцарю. – Я бы даже утруждать себя этим не стал...

Но Дон Хуан, уязвлённый таким пренебрежением, резко выпрямился в седле и произнёс:

– Но всё, что захватит рыцарь у врага, принадлежит ему! – ему отчаянно хотелось доказать, что и у рыцарей бывают ощутимые выгоды. Однако даже произнося это, он думал не столько о богатстве, сколько о славе, потому что для таких, как он, имя, прокричанное в песнях и легендах, стоило дороже золота: слава оставалась навсегда, а деньги утекали в ближайшей таверне, превращаясь в вино, шлюх и головную боль.

Тут Марат насторожился и даже перестал жевать.

– А что именно?

Дон Хуан Паркентский самодовольно улыбнулся.

– Драконы обычно богаты. У них много всего...

– А что именно? – зевнул гоблин.

– Золота! – убеждённо сказал рыцарь. – Серебра тоже! И изумрудов! Рубинов и неограниченных алмазов! Драконы скупые, они хранят у себя всё это.

Марат и сам был скупым и считал это добродетелью, но обмануть его было трудно. Он внимательно оглядел гостя и не нашёл на нём ни малейшего признака богатства: ни золотых цепей, ни колец, ни драгоценных камней. Даже доспехи выглядели так, будто их собирали по свалкам – скреплённые ржавыми болтами, местами подтянутые проволокой, с вмятинами и следами старых ударов.

– Не верю, – лениво буркнул Марат.

Рыцаря это взбесило.

– Ах ты, выродец! Как ты смеешь сомневаться в словах дворянина! Я великий идалго, человек чести и слова! Сказанное мною не подлежит сомнению, иначе это кровное оскорбление! Я могу вызвать тебя на дуэль!

Кто такой дворянин и идалго Марат не знал, зато слово «выродец» среди гоблинов считалось почти комплиментом. А что такое «дуэль», он тоже не понимал, поэтому просто ответил мощным, влажным пуком. Кишечный газ мгновенно умертвил всех насекомых в радиусе пяти метров, и они посыпались на землю, как чёрный дождь. Свиноконь, учуяв эту волну

вони, захрипел, задёргал пяточком и едва не блеванул прямо на Марата, отшатнувшись с таким видом, будто его пытались отравить боевым газом.

– Да, я выродок! – с гордостью ответил Марат. – Причём самый мерзкий и жлобный!

– Так почему ты не веришь?! – вопил Дон Хуан Паркентский, размахивая копьём так, будто хотел заколоть сам воздух.

– Не вижу результатов, – спокойно пояснил гоблин, ковыряясь в ухе косточкой от жабы. – Ты нищий, как церковная крыса.

Рыцарь, конечно, понял, куда клонит этот болотный философ. Свиноконь был навьючен всем, что полагалось для дальнего похода: котлы, мешки с сухарями, запасные подковы, фляги, свёртки с тряпьем, мотки верёвок и даже запасной шлем для особо торжественных случаев, но нигде не было ни мешочка с золотом, ни сундука с драгоценностями – лишь унылая утилитарная бедность вечного странника.

– Э-э-э, понимаешь, я всё отдавал своему оруженосцу Санчаро Пончаросу де Маразмо. Он носил добычу.

– И где же он?

– Он отошёл от ратных дел. Получив большие деньги, он решил больше не странствовать и не покорять драконов, – с обидой в голосе сказал Дон Хуан Паркентский. – Купил себе фабрику и стал капиталистом. Отрастил живот и теперь сидит в кабинете под кондиционером.

Марат поковырялся в носу, вытащил оттуда что-то зелёное и задумчиво размазал по пню. Фабрика показалась ему странной идеей – зачем вкладывать золото во что-то, что могут сжечь, отнять или обложить налогами, если можно просто сидеть на нём и любить его всем сердцем, как родную жабу.

– Правильно, – изрёк он.

– Но я остался без оруженосца! – взвыл рыцарь. – И мне стыдно воевать с драконами в одиночку!

Свиноконь захрипел и зло дёрнул головой, словно буркнул: «Ты совсем свихнулся, хозяин?», но Дон Хуан, впившись шпорами в его бронированные бока, заставил зверя смириться и замереть, гулко фыркая.

– А этот... Санчаро... он воевал? – уточнил Марат.

– Нет. Он стоял рядом и подавал мне оружие, чтобы я мог сражаться с драконом. Не дело оруженосца – лезть под пули, штыки и мечи. Когда дракон был побеждён, оруженосец забирал себе всю добычу. Ему – деньги, мне – слава!

И в этом порядке вещей Марат услышал нечто по-настоящему гармоничное, как музыка сейфа, хлопяющегося на полный мешок золота.

– Это мудро! – прошипел он, и перед его мутными глазами поплыли видения: сундуки, бочки, груды самоцветов, которые стройными рядами залетают прямо в его сейф. Сладкие, жирные мечты.

Дон Хуан Паркентский прищурился и внимательно посмотрел на гоблина.

– Хе... тебе нравятся деньги?

Вопрос даже удивил Марата, потому что жизнь без денег для него была всё равно что жаба без слизи – вроде и существует, но смысла никакого.

– Конечно!

Хитро улыбнувшись, рыцарь вдруг сказал:

– А хочешь стать моим оруженосцем?

– А это мне зачем?

– Тебе – деньги, мне – слава!

Идальго действительно нажал на нужные кнопки. Марат так заинтересовался, что перестал не только ловить жирных навозных мух над кучей дерьма, но даже забыл жевать свой жабий бутерброд, уставившись куда-то в светлое будущее, набитое сундуками.

– То есть вся добыча, что ты получишь, убив дракона, станет моей? – уточнил он. – И ты не будешь на неё претендовать?

– Слово дворянина! – торжественно заявил Дон Хуан Паркентский. – Слово идальго!

Спрыгнув с пенька, Марат деловито протёр липкие от жабьего соуса ладошки и заявил:

– Хорошо, я согласен. Я буду твоим оруженосцем!

Однако Дон Хуан Паркентский вдруг нахмурился, будто вспомнил какую-то крайне важную часть ритуала.

– Подожди, а где твой ишак?

– Какой ишак?

– У оруженосца должен быть ишак, чтобы возить моё оружие и следовать за мной. Не иди же тебе пешком! И мне, как дворянину, будет стыдно, если мой оруженосец не имеет хотя бы ишака или пони, на худой конец!

Слова рыцаря звучали разумно, и Марат задумался, почесывая за ухом. Ни одно животное в округе не хотело бы, чтобы на нём сидел гоблин, пахнувший болотом, газами и прокисшей магией. Все звери знали: под Маратом или тебя проклянут, или заставят жрать тараканов, или забудут кормить из чистой жадности.

Сначала Марат подумал о медведе Храпуне, но тут же вспомнил последнюю встречу у пасеки. Тогда гоблин, хихикая, читал медведю издевательские стихи про его лысеющую задницу и короткие лапы, за что Храпун разорвал ему штаны и чуть не откусил ногу, рыча так, что осыпалась кора с деревьев. Нет, этот ишак точно не подойдёт.

Зайца Коврижку Марат тоже отбросил: тот был слишком тощий и нервный, чтобы таскать гоблина. Страус Хемипая однажды дал Марату такого пинка, что тот сутки икал жабьими пузырями. А бобёр Вырзя вообще пообещал снести гоблинскую хижину плотиной, если Марат ещё раз полезет в его речные владения воровать кору и рыбу, которую гоблин пытался засолить для закуски.

Выбора не было.

Но возможность стать богаче гнала Марата вперёд, как запах тухлых яиц к мухам. Он прошептал кривое заклинание, прикусив язык, щёлкнул пальцами так, что в воздухе проскакинули зелёные искры и запахло палёной плесенью, – и из его жилища с грохотом вылетел старый деревянный стул, с обломанной ножкой, облупленной краской и засаленным сиденьем.

Стул дрожал, скрипел, но упрямо повис в воздухе, как подвешенный за невидимую верёвку.

– Это мой ишак! – гордо объявил Марат и плюхнулся на него. Стул опасно накренился, но магия удержала его, и он застыл, покачиваясь, словно пьяная муха.

Дон Хуан Паркентский моргнул несколько раз, хотел было возразить, но потом решил, что это не его дело. В конце концов, он сам ездит не на коне, а на свиноконе, так почему же оруженосец не может ездить на летающем стуле? Главное, чтобы соблюдалась форма.

– Ладно, сойдёт, – буркнул он и, прищипорив Росинанта Большого, крикнул: – Вперёд, мой оруженосец, вперёд!

– Лечу, лечу за вами! – радостно завопил Марат, и его стул начал носиться вокруг рыцаря, делая кривые петли и спирали, точно жирная муха над свежим навозом.

Дон Хуан поднял взгляд к небу и спросил:

– Кстати, мой верный слуга, как зовут тебя?

– Марат!

– Марат?.. – рыцарь задумался. – Слишком коротко для оруженосца. Назову-ка я тебя Перпетуум Мобилайн Маратус Петикантропус!

Марат равнодушно кивнул. Его совершенно не волновало, как его называют. В его голове уже громыхали сундуки, звенели монеты и шуршали самоцветы, и на фоне этих сладких звуков любое имя было всего лишь пустым шумом.

– А где драконы, Перпетуум Мобилайн, ты знаешь? – спросил Дон Хуан Паркентский, оглядываясь. Над его шлемом роились мухи, но идалго их не замечал.

Марат знал. Он не раз видел, как чёрные туши драконов, лениво описывая круги над городом, уходили на посадку за далёкую северную гряду, где воздух всегда был тёплым и пах серой и палёным мясом. Там, за горами, небо казалось темнее, будто его подкоптили гигантским факелом. Гоблин вытянул кривой палец и ткнул им в сторону холодного, синеватого горизонта.

– Там, – коротко сказал новоиспечённый оруженосец.

– Вперёд! Вперёд! На бой во имя славы! – заорал рыцарь и погнал Росинанта Большого по равнине.

Свиноконь нёсся, как разъярённый кабан, и шесть его копыт выбивали из сухой земли такие тучи пыли, что они поднимались столбами и на мгновение заслоняли солнце, превращая мир в жёлто-серое марево. Земля дрожала, камни подпрыгивали, а воздух наполнялся хриплым сопением зверя и скрежетом доспехов.

– Вперёд, во имя сокровищ! – подхватил Марат и полетел рядом.

Ветер свистел в его ушах, бил по щекам, птицы в ужасе шарахались в стороны, а какой-то несчастный голубь от страха нагадил прямо на лысый затылок гоблина. Марат только довольно хмыкнул – запах был приятный.

Так они неслись почти полчаса, пока не вылетели к развилке дорог. Оттуда открывался вид на деревню – серые, перекошенные домики с соломенными крышами, огородами, где копались согбенные крестьяне, и дымками из труб, пахнущими сырыми дровами и капустой.

Дон Хуан Паркентский натянул поводья. Росинант Большой всхрипнул и встал как вкопанный, так резко, что Марат на своём летающем стуле едва не врезался в зад рыцарского панциря.

– Вот, вот он, дракон! – заорал рыцарь торжественным голосом.

Марат закрутил головой, но дракона не увидел.

– Готовимся к бою, мой оруженосец! – продолжал Дон Хуан, вытаскивая из ножен длинный меч с зазубренным лезвием, весь в пятнах старой ржавчины и засохшей крови, с потемневшей рукоятью, обмотанной потрёпанной кожей.

– Но где дракон? – в недоумении бормотал Марат.

– Так вот он же, мой слепой слуга! – раздражённо рывкнул Дон Хуан Паркентский и ткнул копьём влево.

Повернувшись, Марат увидел мельницу – огромное деревянное сооружение с пятью крыльями, которые лениво вращались под напором ветра. Шестерни внутри скрипели, жернова глухо гудели, перемалывая золотистые зёрна пшеницы в белую муку. Крылья разрезали воздух, словно медленные, но мощные лапы чудовища.

Любой инженер назвал бы это аэродинамическим аппаратом, выполняющим механическую работу за счёт энергии воздушных потоков. Но ни Дон Хуан, ни Марат таких слов не знали. Гоблин не читал книг, а рыцарь – тем более, и поэтому оба не ведали, что в мире людей такие мельницы часто принимают за чудовищ только безумные идалго, прославившиеся на весь свет именно этим.

– Но это же мельница... – прошептал Марат.

Свиноконь фыркнул: «Ну ты, гоблин, и дурак! Ничего ты не понимаешь в рыцарстве!»

Дон Хуан Паркентский с презрением посмотрел на оруженосца:

– Слуга мой, Перпетуум Мобилайн! Все драконы умеют маскироваться! Ты видишь мельницу. Я – дракона, поджидающего добычу!

Марат покорно пожал плечами:

– Хорошо, дракон так дракон. Пускай им будет мельница!

В глубине души он даже решил, что это вполне может быть заколдованный дракон, превращённый в деревянное сооружение за какие-нибудь старые грехи. Но его волновало совсем другое.

– А у него есть сокровища?

– Конечно, они спрятаны в подвалах!

Марат сразу в это поверил. Не мог же прежний оруженосец Санчаро Пончаросу де Маразмо разбогатеть из воздуха. Значит, под мельницей действительно должны быть сундуки, битком набитые золотом, камнями и прочими приятными вещами. В воображении гоблина уже открывались люки, из которых сыпались монеты, катились изумруды и текли целые ручьи серебра, прямо в его сейф, словно по волшебным трубам.

– Вперёд, вперёд! – заорал Дон Хуан Паркентский и ринулся в атаку.

Свиноконь захрипел от восторга, разинул пасть, показав клыки, и помчался на мельницу, как на заклятого врага. Сам рыцарь размахивал мечом так яростно, что при каждом взмахе воздух вокруг лезвия темнел, словно обгорал, оставляя за собой полосы чёрного дымка. С воздуха его было легко узнать именно по этим рваным следам, как по хвосту кометы.

Марат летел на своём стуле в десяти метрах от него и тоже орал во всё горло – не потому, что хотел сражаться, а потому что так, по его мнению, полагалось поддерживать хозяина и заодно пугать «дракона». Ему казалось, что чем громче вопли, тем больше золота у противника, и он старался изо всех сил, надрывая глотку.

Они приблизились к белокаменной мельнице, внутри которой скрипели и гудели шестерни, тяжёлые колёса, пружины и жернова – там кипела работа, перемалывались зёрна, дрожали балки, и вся конструкция жила своей механической, глухой жизнью.

Дон Хуан Паркентский нанёс первый удар. Одно из крыльев с треском разлетелось, куски дерева и полотна посыпались на землю. Лезвие меча высекало искры, скользя по каменной кладке, и каждый удар отзывался в мельнице глухим, будто бы животным стоном.

Это было по-своему величественное зрелище: рыцарь рубил «дракона», свиноконь дико ржал и бил копытами, а Марат носился вокруг, свистел, кричал и махал руками, словно жирная муха над огромной кучей навоза.

И тут дверь мельницы распахнулась. В проёме появился ошеломлённый мужчина в белом, запачканном мукой фартуке, с растрёпанными волосами и серым от пыли лицом. Он смотрел на рыцаря, свиноконя и летающего гоблина так, будто увидел конец света. Его губы беззвучно шевелились, словно он на миг разучился говорить.

Наконец его прорвало:

– Эй, вы, идиоты! Что вы делаете?! Вы разрушаете мою мельницу!

– Это слуга дракона! – заорал Дон Хуан Паркентский Марату. – Мой слуга Перпетуум Мобилайн, приказываю тебе его убить!

Но убивать кого-то не входило в планы Марата. Ему обещали совсем другую работу – стоять в стороне и получать деньги. Он затормозил в воздухе, смешно болтая ногами, и его летающий стул опасно качнулся, едва не свалившись вниз.

– Я не воюю, хозяин, ты сам сказал, – напомнил он, на всякий случай отлетая подальше.

– Ах, да! – вспомнил Дон Хуан Паркентский и, величественно выпрямившись в седле, повернулся к мельнику. – Уходи, пока я дарю тебе жизнь! Оставь меня наедине со своим хозяином – драконом!

Он произнёс это с таким видом, будто только что подписал указ о помиловании целого королевства: подбородок задрал, грудь выпятил, а меч поднял так, словно собирался благословить несчастного на новую, свободную жизнь.

И тут мельник вдруг прищурился.

– А-а-а... так ты же этот идиот, который разрушает мельницы! О тебе по телевизору часто говорят! Я видел, что ты натворил в Испании, Греции, России!

– Слава всегда впереди меня! – гордо ответил Дон Хуан Паркентский. – И всё же, простояв, я дарю тебе освобождение от дракона! Можешь уходить прочь! А твоего хозяина я сейчас убью!

Но мельник вовсе не собирался уходить. Он заорал, повернувшись к деревне:

– Люди! Люди! Идиот-рыцарь пришёл! Этот дурак Дон Хуан «Разрушитель»!

И будто по сигналу из домов посыпались жители. Они шли плотной толпой, с перекошенными злыми лицами, размахивая ружьями, топорами, вилами, дубинками. Кто-то тащил маленькую пушку на колёсиках, скрипящую, как старая телега. Вся эта процессия напоминала не деревенских крестьян, а армию, вышедшую на охоту за особо вредным зверем.

– Бей этих идиотов!..

– Мы покажем этому «Разрушителю»!..

– Нечего нас без муки оставлять!..

– Психов развелось по белу свету!..

– Накостыляем этим чужеземцам!..

Крики, ругань, топот сапог и копыт слились в одно гулкое, угрожающее рычание.

– Стойте, люди! – закричал Дон Хуан Паркентский. – Я пришёл освободителем! Вы были в плену у дракона! Но я спасу вас!

Его слова тонули в ярости толпы. Люди теснили его, отталкивали от мельницы, пока не сомкнули вокруг плотное кольцо. Лучники натянули тетивы и навели стрелы на парящего гоблина. Даже свиноконь замолчал, опустив уши и тяжело дыша. Воздух стал густым, как перед грозой.

Марат мгновенно понял, что это не та сцена, где платят золотом. Это была сцена, где платят стрелами.

Он прошептал заклинание и исчез, оставив в воздухе лишь лёгкий хлопок и запах серы. В следующее мгновение он уже стоял у себя дома, возле сейфа. И тут мимо того места, где

секунду назад была его голова, пронёсся свист – это пролетела стрела, промазавшая совсем чуть-чуть.

Через пару дней лесная сорока, местная репортёрша, прилетела к его окну и затараторила, что в соседней деревне жители поймали Дон Хуана Паркентского, прозванного в прессе «Разрушителем мельниц», намяли ему бока, отняли оружие, а свиноконя пустили на колбасу. Сам идальго теперь лежит в больнице, весь загипсованный, и в бреду орёт, что его предал оруженосец. Обещает, как только выздоровеет, найти некоего Перпетуума Мобилайна и выпустить ему кишки за измену.

Марат, выслушав всё это, только довольно хмыкнул и запер сейф на дополнительный замок.

С той поры он больше никогда не занимался ни к кому на работу.

И, как любая по-настоящему гнусная сказка, эта история заканчивается тем, что гоблин Марат стал ещё жаднее, ещё осторожнее и ещё мерзее – и именно поэтому прожил дольше всех честных, смелых и благородных.

(17 июля 2019 года, Элгз)

Марат в обсерватории

Прогуливаясь по ночному городу, где мокрый асфальт отражал редкие фонари, как тусклые жёлтые звёзды, а узкие улочки тонули в сизом тумане, гоблин Марат с неудовольствием отметил, что прохожих нет и все дома, магазины и предприятия закрыты, будто город вымер. Тёмные витрины глядели пустыми глазницами, вывески покачивались на ветру, скрипя и постанывая, и даже крысы, обычно такие общительные, куда-то попрятались.

«Нашли время спать», – сердито шептал он, рыская по переулкам и подворотням, надеясь, что кто-нибудь всё-таки шастает, чтобы можно было его напугать, обмануть или просто испортить настроение. Пару раз ему попадались бродячие собаки: грязные, ребристые, с жёлтыми глазами. Они рычали, лаяли и пытались вцепиться гоблину в икры, брызгая слюной и скаля зубы, но Марат либо превращал особенно наглых в мраморные статуи с застывшими осками, либо просто телепортировался прочь, оставляя животных кусать пустоту.

Одна такая телепортация забросила его на окраину, к какому-то странному зданию. Дверь оказалась незапертой, а изнутри лился тусклый, жёлтоватый свет, похожий на свет старой лампы под пыльным абажуром. Марат довольно хмыкнул и вошёл, предвкушая, как сейчас устроит хозяевам настоящий бедлам.

Но это было не жильё. Внутри стояли огромные механизмы, сложные приборы, ящики с инструментами и толстая труба, уходящая одним концом в раскрытую крышу и дальше – в ночное небо. У другого её конца, где были окуляры и колёсики настройки, сидел пожилой мужчина в длинном халате, с белоснежной бородой и в мягком колпаке. Лицо у него было доброе, морщинистое, а глаза блестели, как у ребёнка, глядящего на фокус.

Марата это несколько не смутило – бузить он мог где угодно, хоть в детском саду, хоть в университете, хоть в военной казарме. Он уже прикидывал, что бы здесь разбить или испортить, как старик опередил его. Тот поднялся и пошёл навстречу гоблину с таким радостным выражением, будто встретил старого друга.

– О, дорогой гость, только вы откликнулись на моё предложение? Мне очень приятно, очень...

Марат понятия не имел, о чём речь, но на всякий случай кивнул:

– Да! Как бы только я...

– Увы, астрономией сейчас мало кто интересуется, – вздохнул старик. – На моё объявление в газете почти никто не откликнулся. «День открытого неба» – звучит красиво, но людей больше волнуют земные темы: биржа, курсы акций, демпинги, тарифы...

Гоблин не понял ни слова и потому просто поддакнул:

– Ага...

– Меркантильные интересы, – с горечью покачал бородой учёный. – Деньги, золото, алмазы, собственность...

Марат встрепенулся, как будто его укусили.

– Золото – это хорошо, – с воодушевлением сказал он. – Мне тоже нравятся золотые монеты. Серебряные тоже! Даже бронзовые годятся...

Астроном посмотрел на него укоризненно:

– Вот люди ищут золото и бриллианты на земле, а ведь там, в космосе, их полным-полно!

– Золота? – не поверил гоблин. – В небе? Да не может этого быть!

– Может, может, – уверял его старик, загадочно улыбаясь.

– Так как в небе могут быть золото и драгоценные металлы? – усмехнулся Марат. – Небо-то пустое! Там только воздух и тучи!

Учёный вздрогнул, будто его только что ударили по лицу. Брови его сошлись, борода дрогнула, а в глазах мелькнула смесь обиды, боли и научного негодования, словно кто-то только что заявил, что вся его жизнь была зря.

Он резко указал на огромную трубу.

Это был телескоп – длинный, чёрный, на тяжёлой металлической монтировке, с колёсиками, рычагами, винтами точной наводки, с кабелями, уходящими в приборы, и стеклянными окулярами, поблёскивающими, как глаза механического чудовища. Его массивная «пасть» была направлена прямо в раздвинутую крышу здания, где между облаками виднелось звёздное небо.

– Это телескоп, – отчеканил он. – С его помощью мы наблюдаем небесные тела: звёзды, туманности, галактики, астероиды, планеты, чёрные дыры. И находим много интересного для науки!

– Так вы увидели золото? – недоверчиво прищурился Марат.

Учёный хмыкнул, жестом пригласил гоблина подойти, принялся крутить ручки, что-то щёлкало, скрипело, линзы внутри трубы двигались, перестраиваясь, как глаза живого существа.

– Можете взглянуть.

Марат подозрительно посмотрел на окуляры, словно опасался, что оттуда выскочит что-нибудь и укусит его за нос. Но любопытство взяло верх, и он наклонился, прижав лоб к холодному металлу.

Перед ним развернулось бездонное звёздное поле. Миллионы огоньков, мерцающих, переливающихся, а среди них – огромная, яркая точка, сверкающая всеми цветами радуги, будто драгоценный камень, поймавший солнечный луч.

– Это алмазная планета, находящаяся в созвездии Рака, – сказал астроном. – Весьма интересный объект, уверяю вас.

– Созвездие Рака? – удивился Марат. – Какое смешное название. А есть, может, созвездие Рыбы?

– Есть и созвездие Рыбы!

Марат захохотал.

– Ха-ха-ха! Может, скажете, есть созвездие Льва? Или Тельца?

– Да, есть!

Гоблин согнулся от смеха, схватившись за бока, и даже его уши задрожали от веселья.

– Может, ха-ха-ха, и созвездие Мухи?

– Тоже есть!

– И Дракона? И Пса? Или ещё Медведя?

– Да, есть Большие Гончие Псы, и Большая, и Малая Медведицы! – горячо подтвердил старик. – Я говорю серьёзно! И ещё миллиарды звёзд и созвездий, у которых даже нет названий!

Насмевшись, Марат снова уставился в окуляры.

– Так это... алмаз? – пробормотал он, не в силах оторваться от сверкающей точки.

– О да, – оживился астроном. – Масса этой экзопланеты, известной как 55 Cancri e, в восемь раз больше Земли, а её размер – примерно вдвое больше. И примерно на треть она состоит из алмазов. Если попытаться оценить стоимость её недр, то получится несколько десятков нониллионов долларов.

– Сколько-сколько? – ошарашенно переспросил Марат.

– Такие суммы даже трудно выразить в земных деньгах, – признался старик. – Человечество никогда не печатало столько денежной массы.

Гоблин стал чесать затылок, его пальцы цепляли редкие волосы, глаза блестели от жадности:

– О-о, если я присвою себе планету, то стану самым богатым гоблином на Земле! Это очень хорошая идея! Астрономия, оказывается, может сулить большие богатства! Главное – первым ими завладеть!

Он думал исключительно о деньгах: все его мироощущение измерялось золотыми монетами и драгоценностями. Любовь была ценной лишь в пересчёте на сокровища, страх – на возможные потери прибыли, смерть – на стоимость наследства. Даже страх перед магами или опасными существами оценивался по цене ущерба, который они могут нанести его имуществу.

– А как вы присвоите себе планету? – удивился астроном. – Она в миллиардах и миллиардах километров от нас, до неё не добраться!

– А магия? – усмехнулся Марат, задирая подбородок. – Я умею перемещаться на расстояния!

Но старик только покачал головой:

– Увы, магия на такие расстояния не имеет силы! Ваша телепортация возможна не дальше Плутона. То есть вы не долетите даже до Облака Оорта!

Гоблин не имел ни малейшего представления, что такое Плутон и Облако Оорта, но понял главное: до алмазной планеты ему не добраться. Злость разлилась по телу, как бурлящая лава, и он, не удержавшись, сплюнул прямо под ноги астроному:

– Тогда ваша наука – ерунда! Бесполезная вещь! Зачем мне алмаз, который не взять и не положить в мой сейф.

– В ваш сейф не поместится алмаз, который больше нашей Земли! – строго возразил ученый.

– Всё равно! – Марат снова сплюнул, и поток слюны с глухим плюхом ударил прямо в ботинок старика.

Пожилой астроном молча вытер обувь, поправил очки на бороде и с лёгким вздохом сказал:

– Почему же, астрономия создаёт основу для практических проектов! Например, добычи полезных ископаемых на астероидах.

Гоблин закинул ногу на ногу, фыркнул и скривился:

– Каких ещё астероидов?!

– Это небесные камни! – сказал ученый и показал на карту, где между Марсом и Юпитером плавали сотни миниатюрных серых точек – астероидов, разных размеров, от маленьких булыжников до огромных глыб.

– Вот ещё, буду я интересоваться какими-то булыжниками, ха-ха-ха! – рассмеялся Марат. – У меня у дома тысяча таких астероидов!

Но астроном прищурился и, заметив интерес гоблина, выдал новую информацию, держа карту ближе:

– Есть такой астероид «16 Психея».

– И что? – скептически поднял брови Марат, но уже приподнялся на стуле.

– Это единственный в Солнечной системе полностью металлический астероид, диаметром 252 километра. Он состоит из железа, никеля, платины, меди и золота.

Глаза гоблина расширились, руки сжали края кресла, а он даже слегка приподнялся:

– Золота? – проглотил слюну Марат. – Даже больше, чем в моём сейфе!

– Да! – решительно кивнул профессор. – По самым скромным оценкам только запасы железа можно оценить в десять тысяч квадриллионов долларов.

– А это сколько? – глаза гоблина округлились, пальцы он начал теребить в привычной манере: считал по десяти на каждой руке, потом подключил пальцы ног, потом нос, потом уши. Всё равно цифры не укладывались в его голове, будто какой-то ковер из чисел свалился ему на мозг. Он щёлкал пальцами, дергал носом, морщился и иногда тихо ругался – такой способ подсчета был для него одновременно привычным и мучительным.

– Ну... квадриллион – это миллион миллиардов, – терпеливо пояснил старик, трогая длинную бороду. – Считается, что астероид «16 Психея» – это оставшееся железное ядро планеты, лишенное мантии в гигантском катастрофическом столкновении на раннем этапе существования Солнечной системы.

Марат решительно выпрямился, глаза блестели:

– Так астероид в нашей Солнечной системе?

– Да... а что? – астроном напрягся, почуяв, куда клонит гоблин.

– Тогда я лечу к нему! – Марат поднял руки, заговорил заклинание, и воздух вокруг него заискрился. Он был готов телепортироваться к «16 Психее», невозмутимо игнорируя космический холод и отсутствие воздуха – его организм был совсем не такой, как у человека.

– Ой, этого нельзя делать! – вскричал астроном, бросаясь к гоблину. – Если вы металл с астероида даже частично перенесете на Землю, мировая добывающая индустрия рухнет! Люди лишатся работы, заводы разорятся, экономика войдет в состояние коллапса! Цены на золото упадут в тысячи раз, оно обесценится!

– А мне всё равно! – ответил Марат, абсолютно серьёзно. – Главное, у меня будет золото! А золото даст мне благополучие и спокойствие!

– А зачем вам золото, которое никому не нужно? – не унимался астроном. – К тому же на вас устроят охоту! Миллионы богачей, лишившихся финансовых активов, простые люди,

орки, гоблины, волшебники, драконы – все будут искать вас, чтобы убить! Вы ввергнете всех в нищету, и от вашего несметного богатства вы не получите ни удовольствия, ни покоя!

Марат замер, слегка покачал головой, глаза сузились, а рот приподнялся в привычной ухмылке. Он не ожидал такого поворота событий и чувствовал, как его охватывает лёгкое раздражение: «Вот это да... а я хотел просто золота!»

Он подошёл к трубе телескопа и пнул её ногой так, что она слегка задрожала и закричала:

– Тогда толка нет от вашей астрономии! Бесполезный телескоп!

– Прошу не оскорблять меня и мою науку! – рассердился астроном, прижимая очки и бороду.

Марат фыркнул, расправил руки и уже начал придумывать новые планы: ведь если нельзя взять «16 Психею», можно поискать что-то поменьше... но всё равно ценное. И глаза его снова заблестели.

Ради забавы Марат лениво щелкнул пальцем, и старик мгновенно превратился в рака: панцирь блестел красным, клешни неуклюже дергались, а глаза словно на червячках выдвинулись по сторонам. Старик-рак пытался что-то промычать, но из рта вырывались лишь булькающие звуки, и Марат, скрестив руки, наблюдал за этой забавной метаморфозой с ухмылкой.

– Теперь ты как созвездие, – хмыкнул гоблин, покачивая головой. – Съел бы я тебя, но раки – не моя пища, у меня изжога от них!

Он вышел из обсерватории, весело фыркнув и щелкнув пальцами ещё раз, чтобы старик вернулся в человеческий облик лишь через два часа, когда Марат уже далеко скрылся в переулках города. Солнце давно ушло за горизонт, а Марат бродил по пустынным улицам, довольный собой. Наука и звёзды больше не волновали его; теперь его интересовали лишь простые удовольствия: вкусная еда, тёплый сейф с золотом и возможность проделывать свои мелкие пакости.

Так Марат остался один, довольный своей жизнью, но с секретной мечтой – когда-нибудь найти способ реально заполучить хоть одно небесное сокровище. А пока он просто наслаждался каждым днём, смеялся над людьми и учёными, ел своих любимых жаб и тараканов, охотился за мухами и ни с кем не делился своим счастьем.

И с тех пор Марат стал легендой среди ночных улиц: никто не знал, где он появится завтра, и никто не мог предугадать его шалости. А гоблин с тех пор уже не мечтал о драконах и алмазных планетах – ведь для него самой большой радостью была свобода и полный сейф, дающий ощущение власти над миром.

Так закончилась история Марата – злого, хитрого, ленивого, но счастливого гоблина, который доказал себе: не обязательно лететь к звёздам, чтобы чувствовать себя самым богатым и довольным существом на Земле.

(14 июня 2019 года, Элгг)

Как гоблин Марат в кино снимался

Единственным увлечением гоблина Марата, кроме того как жрать фрошброт – жареных жаб в тесте из камышей – и творить безобразия в городе, пугая людей, было играть в карты. Играть исключительно на деньги. Бесплатно, по его мнению, играли только идиоты и палочные человечки на стенах.

Марат умел играть в преферанс, дурака, подкидного дурака, буру, очко, козла, тысячу, рамми, покер, секу, винт и даже в такую древнюю игру, название которой он сам давно забыл, но жульничал в ней с особым наслаждением. В карточных делах он слыл шулером – и слыл заслуженно.

Он мог облопошить кого угодно не только краплёными картами, где метки были видны лишь под особым углом гоблинского прищура, но и другими фокусами. Он умел незаметно подсовывать карту из рукава, менять колоду местами с точно такой же, но «правильной», сдавать себе нужные карты отражением в мутной бутылке, а иногда просто громко кашлял, ронял стол и в этой суматохе выигрывал партию, которую ещё не начинали.

Но вот беда – никто с Маратом не играл. Не потому, что не любили карты, а потому что не любили Марата. Поэтому играл он сам с собой.

Для этого он брал колоду, тщательно тасовал её с видом честного проходимца, разметал семь карт себе и семь – на другой конец стола, после чего смотрел на свои карты и, хихикая, бросал тройку бубен.

– Ходи, дубина, – ласково приговаривал он пустому месту напротив.

Потом Марат клал свои карты на стол, перебегал на другую сторону, поднимал «чужую» руку, быстро её просматривал и, плюя на пол, говорил:

– Чем ты решил меня поразить, несмышлёныш? Этим? – и с отвращением крыл карту валетом.

Затем он возвращался на прежнее место, брал свои карты, делал кислое лицо и отвечал самому себе:

– Ну ты, придурок, кого обыграть хочешь? Меня, что ли? – и бросал новую карту, с таким видом, будто совершал величайшую стратегическую ошибку века.

– О-о-о, – радостно стонал он, уже стоя по другую сторону стола, – вот это ты зря!

– Сам ты зря, – огрызался он, возвращаясь обратно. – Я тебя сейчас раздену до последнего медяка!

И так партия шла часами: он мухлевал против себя, ловил себя за руку, обвинял в жульничестве, грозил набить морду и тут же мирился, потому что идти жаловаться было некому.

В итоге гоблин сам себе проигрывал и сам себя выигрывал, а потом радовался, что проигранные деньги он оставит самому себе как выигранные.

– Какой я умный! – вопил Марат, подпрыгивая и пританцовывая у стола. – Только я могу играть так, что деньги всегда остаются у меня! Ха-ха-ха-ха!

И стол, казалось, слегка подрагивал – то ли от смеха, то ли от желания тоже сесть и сыграть, но благоразумно молчал.

Вот и сегодня Марат играл сам с собой и уже во второй раз грозил зарезать «противника» за игру краплёнными картами, когда мимо его дома вдруг проскакали на лошадях люди, истошно крича и ругаясь.

Удивлённый Марат застыл, карта выпала из его лапы, деньги покатались под стол, а он сам, забыв даже подобрать выигрыш у самого себя, кинулся к окну, чтобы узнать, что же там снаружи происходит.

По улице скакали всадники в пиратских костюмах: в треуголках с облезлыми перьями, в рваных камзолах, подпоясанные разноцветными кушаками. На одних висели сабли и шпаги, у других торчали за поясом старинные кремнёвые пистолеты. Они стреляли на полном скаку, пуская облака серого дыма, лязгали клинками и рубили воздух с таким азартом, будто тот был виноват им денег. Лошади шарахались, пираты падали, вскакивали, фехтовали, норovia попасть друг другу не в голову, а строго мимо – но с большим драматизмом.

– Не деться тебе, Джек, от мести пиратов!

– Сто дублонов мне в глотку! Стреляйте! Стреляйте, олухи!

– Хватайте его, не дайте сбежать этому пройдохе!

– Не поймать вам капитана Фокса Чёрного! Пах! Пах!

«Пах» сопровождалось особенно жалкими выстрелами, после которых один пират обязательно падал с лошади, хватаясь за плечо и косясь на режиссёра – достаточно ли убедительно.

Рядом с дерущимися медленно катилась платформа на колёсах. На ней, обвешанные камерами, сидели операторы, цепляясь друг за друга локтями и вопя от восторга и отчаяния одновременно. Впереди, расставив ноги и размахивая рупором, стоял режиссёр – худой, нервный, с лицом человека, которого мир категорически не устраивает.

– Эй, Джек! – орал он в рупор. – Теперь ты выходи и заколи вон того жирного пирата! Хорошо заколи, это же кино, а не балет! Сильнее! Вот так, отлично!

Потом он разворачивался к остальным и визжал:

– А вы, идиоты, чего стоите?! Стреляйте вдогонку! Вдогонку!

В этот момент из переулка высыпали какие-то гвардейцы в кафтанах и с мушкетами, явно из другой эпохи. Они атаковали пиратов, началась схватка: кто-то колол шпагой воздух, кто-то падал, не дождавшись удара, кто-то забывал, с кем дерётся, и спрашивал шёпотом: «Я уже убит или ещё можно побегать?»

Операторы орали, что у них плохой ракурс, режиссёр плевался и грозился всех уволить, рядом стонал кинопродюсер, подсчитывая убытки и одновременно притворяясь раненым для пущей выразительности. Техники бегали, путаясь в ногах и разматывая кабели, ругались, когда по ним проезжала лошадь, и держали над головами тяжёлые юпитеры, чтобы свет падал «более драматично». Один юпитер загорелся, другой погас, третий светил прямо в глаза гвардейцу, из-за чего тот выстрелил не туда и был тут же отчитан.

Короче, стояла полная аврально-творческая сцена, где каждый кричал громче всех, но никто никого не слушал.

Марат смотрел на это с изумлением, ничего не понимая. Он никогда не видел кино, не интересовался искусством и искренне недоумевал, что делают все эти идиоты рядом с его домом. Даже игра в карты перестала его интересовать – впервые в жизни.

– Тащите попугая! Тащите эту птицу! – заорал режиссёр.

Притащили попугая – огромного, облезлого, с ярко-зелёным хвостом и наглым жёлтым клювом. Птицу водрузили на плечо одного пирата – рыжего, кривоногого, с повязкой на глазу, серьгой в ухе и такой рожей, будто он и в жизни не расставался с бутылкой рома.

Попугай тут же расправил крылья и заорал:

– Пиастры! Пиастры! Карта капитана Флинта Блюма! Остров сокровищ!

Услышав это, Марат замер.

Остров сокровищ? Это место, где припрятаны сундуки с золотом ацтеков и майя? Или золотые украшения инков? Или, может быть, золотая утварь египетских фараонов?

Марат тяжело задыхался, вцепившись когтями в подоконник, подумав, что где-то здесь, совсем рядом, может находиться остров сокровищ.

– Стоп! – заорал режиссёр так, будто этим словом можно было остановить не только съёмку, но и саму реальность. – Стоп! Перерыв!

И всё вокруг разом замерло. Пираты опустили шпаги, гвардейцы перестали целиться, лошади облегчённо фыркнули, а дым от выстрелов медленно пополз вверх, словно тоже устал. Люди тяжело дышали, плевались в стороны, шипели друг на друга сквозь зубы и выясняли, кто кому наступил на ногу, на плащ или на историческую достоверность.

Режиссёр обессиленно рухнул на складной стул, и тотчас к нему подбежали две ассистентки – одинаково худые, одинаково быстрые и одинаково перепуганные. Одна принялась протирать ему шею влажной салфеткой, другая делала энергичный массаж плеч, третья, появившаяся неизвестно откуда, сунула ему в руку холодную колу. Они щебетали без умолку:

– Вы гений...

– Осталось совсем чуть-чуть...

– Этот дубль будет легендарным...

Ассистент режиссёра тем временем на повышенных тонах отчитывал операторов и техников. Операторы орали, что свет стоял неправильно, техники утверждали, что кабель был там, где ему и положено быть, а юпитер вообще никто не трогал. Некоторые для убедительности разводили руками, другие для убедительности кричали ещё громче.

Артисты качались от усталости. Один пират сидел прямо на земле, не снимая повязки с глаза, и пил воду так, будто это был ром. Другой, всё ещё в гвардейском кафтане, пытался расстегнуть пуговицы и стонал, что его задушила эпоха. Лошади жевали траву и выглядели самыми здравомыслящими существами на площадке.

Рядом суежилась женщина с суровым лицом и блокнотом. Она пересчитывала дубли, что-то бурчала себе под нос и вписывала нумерацию в деревянную табличку с мелом, стирая предыдущие цифры резким движением, словно наказывала их за неудачу.

– Перерыв на полчаса! – наконец отметил режиссёр усталым, но властным голосом.

И многие бессильно рухнули прямо на траву, не заботясь ни о костюмах, ни о репутации, ни о будущих шедеврах мирового кино.

Марат, наблюдавший за всем этим из окна, решил выйти из дома и посмотреть, кто же это такие. Он осторожно выбрался наружу и подошёл поближе, прячась за забором и выглядывая одним глазом.

На платформе крупными буквами было написано:

«Телестудия „АйнШтерн Продакшн“».

Марат не знал, что это одна из ведущих фирм, производящих приключенческие фильмы. Он вообще не знал слов «телестудия» и «продакшн» и решил, что это, вероятно, названия тайных пиратских кланов.

В его голове всё сложилось мгновенно и безупречно: эти люди ищут остров сокровищ, карта уже у них, а дерутся они здесь потому, что золото где-то рядом и делить его никто не хочет. Пираты, гвардейцы, оружие, попугай – всё сходилось.

Марат прищурился, облизнулся и подумал, что, возможно, судьба сама привела сокровища прямо к его дому.

Марат осторожно, но с видом хозяина жизни, подошёл к режиссёру. Тот сидел, обмякнув на стуле, и стонал, уставившись в небо:

– Какие все бездари! Не умеют играть! Пираты – это харизматичные люди! Волки морей! А у меня... – он махнул рукой, – безвольные дураки с глазами варёной селёдки!

Рядом суежился его ассистент – высокий, тощий мужчина с вечной папкой под мышкой, в очках, которые постоянно сползали на кончик носа. Он размахивал руками так, будто дирижировал невидимым оркестром хаоса:

– Шеф, других нет! Это всё, что нашли в списках киноактёров от Гильдии кинопроизводителей! Лучшее из худшего!

– Они подсунили нам некудышных актёров! – ругался режиссёр, осушая бутылку колы до дна и сминая её с ненавистью. Ассистентки молча продолжали массировать ему спину, стараясь не попасть под горячую руку.

И никто не замечал гоблина, пока тот вдруг не пнул по платформе.

Бам! Металл гулко отозвался, платформа вместе с кинооператорами и частью съёмочной группы опасно закачалась. Камеры звякнули, кто-то вскрикнул, один оператор сел прямо на объектив.

– Что вы тут делаете возле моего дома? – скрипучим, царапающим голосом поинтересовался Марат.

Все разом обернулись и уставились на него. Перед ними стоял низкий, коренастый гоблин с зеленовато-бурой кожей, кривыми зубами, торчащими наружу, и ушами, похожими на мятые лопухи. На нём была застиранная жилетка, штаны с подозрительными пятнами и сапоги, выдававшие лучшие грабежи. Он щурился, скалился и выглядел так, будто сейчас укусит кого-нибудь из принципа.

– Вы кто? – спросил режиссёр, внимательно рассматривая незнакомца, словно редкий экземпляр.

Марат насупился, вытянул шею и злобно заскрипел зубами:

– Я? Я гоблин Марат! Вы вторглись в мои владения! А я такое не терплю! Вы помешали мне!

Он говорил нарочно низким, скрипучим голосом, пучил глаза, размахивал когтистыми руками и даже слегка подпрыгивал, надеясь, что напугает людей до обморока.

Но произошло обратное. Люди заулыбались. Кто-то захлопал. Кто-то одобрительно при-
свистнул.

– О боже! – вдруг заорал режиссёр, вскакивая со стула. – Какой типаж! Какой темпера-
мент! Не узнаю вас в гриме! Вы кто – Леонардо ди Каприо? Или Шон Пенн?!

– Вы чего шумите у моего дома?! – продолжал вопить Марат, входя во вкус. – Вы вывели
меня из себя! Я готов разорвать вас в клочья!

– Какие эмоции! – восторгался режиссёр всё больше. – Какая игра! Уверен, что вы –
Ален Делон! Или Жан-Поль Бельмондо!

– Я – гоблин Марат!!! – заорал Марат во всю глотку.

И тут разразилась буря оваций. Аплодировали актёры, операторы, ассистенты, даже тех-
ники, забыв про кабели. Сам режиссёр хлопал громче всех.

– Как бы сказал Станиславский: «На этот раз я верю!» – торжественно произнёс он
и добавил: – Итак, наконец-таки Гильдия прислала нам замечательного актёра!

Ассистент закивал так усердно, что очки едва не слетели:

– Да! Абсолютно! Именно то, что нужно!

Режиссёр снова повернулся к Марату:

– Итак, Марат, у вас типичная морда пирата! И держитесь вы типично как оборва-
нец-пират! Мы предлагаем вам главную роль капитана пиратов Фокса Чёрного в кинофильме
«Сокровища Пурпурного Моря»!

– Чего? – искренне не понял гоблин, который в жизни не видел ни одного фильма.

– Да-да! – загалдели ассистент, кинооператоры и кто-то из актёров. – Типичная пиратская
морда, противная и гнусная! Именно таким должен быть ублюдок и негодяй!

А режиссёр уже орал, брызгая слюной, размахивая руками и забыв про усталость:

– Вы станете знаменитым! Вы поедете в Голливуд! На кинофестивале в Лос-Анджелесе
вы получите золотую статуэтку Оскара!

– Золотую?.. – от этого слова у Марата перехватило дыхание. Его зрачки расширились,
уши дрогнули, а сердце застучало так, будто кто-то тряс мешок с монетами. – Золото?

Это слово было самым главным. И самым убедительным.

– Хорошо! – резко сказал он. – Что я должен делать?

– Вы должны сейчас сняться в схватке, где побеждаете пиратов и вам достаётся сундук с сокровищами, – пояснил режиссёр, сияя, как найденный клад.

– Сундук с сокровищами?.. – переспросил Марат, и в этот миг внутри него что-то щёлкнуло, как замок на старом сейфе. Он вдруг понял, что просто обязан сняться в этом кино, иначе мир будет несправедлив. – А где этот сундук?

– На борту корабля! – торжественно заявил режиссёр и ткнул пальцем в сторону огромного макета шхуны, стоявшего на платформе неподалёку от режиссёрского пятачка.

Макет был внушительный. Деревянный корпус, искусно состаренный, с облупившейся краской и нарисованными следами морской соли. Две высокие мачты с натянутыми парусами из грубой ткани, кое-где нарочно надорванными. На корме развевался чёрный флаг с черепом и костями – «Весёлый Роджер», грозно хлопавший на ветру. По бортам торчали пушки – деревянные, но выкрашенные так, что издали казались чугунными. На палубе виднелись канаты, бочки, якорь, руль и даже фонарь, внутри которого тускло горела лампа. Конечно, это был не настоящий корабль, а лишь хитро сколоченный реквизит, но гоблин об этом не имел ни малейшего представления.

– Там, значит, сундук с золотом? – уточнил Марат, прищурившись.

– Да, там сундук с сапфирами, изумрудами, золотыми монетами, – кивнул ассистент режиссёра. – Всё из реквизита, который использовали при съёмках фильма «Людовик Шестнадцатый – король Франции»!

«Это королевское золото», – мгновенно понял гоблин. Его сердце сладко сжалось. Королевское золото просто обязано принадлежать кому-то вроде него.

– Итак, вы согласны? – спросил режиссёр.

– Согласен! – энергично кивнул Марат.

Ему тут же сунули пачку бумаг. Это был контракт на съёмки. Гоблин посмотрел на листы с подозрением, пару секунд шевелил губами, пытаясь разобрать буквы, потом махнул рукой и просто расписался корявым пальцем. Вместо чернил из кончика его когтя вырвался тонкий магический луч и прожёл на бумаге нечто, отдалённо напоминавшее надпись «Гоблин Марат», хотя больше походившее на след жука, упавшего в чернила. Удивлённый ассистент моргнул и решил, что Марат вдобавок ещё и фокусник.

Тем временем костюмеры облепили гоблина со всех сторон. На него натянули полосатую рубаху с рваными рукавами, потертый кожаный жилет, широкий пояс с массивной пряжкой, засаленные штаны и высокие сапоги. На голову водрузили треуголку, один глаз прикрыли чёрной повязкой, а на шею повесили несколько бус и медальонов «для образа». За пояс прицепили декоративный пистолет, а в руки всучили тяжёлую абордажную саблю.

Увидев Марата в новом облике, все ахнули.

– Настоящий главарь пиратов! – выдохнул кто-то из актёров.

– Всё! Начали, перерыв закончен! – заорал режиссёр и начал размахивать руками, как мельница. Засуетились техники, загорелись юпитеры, операторы нагнулись над камерами, артисты собрались в круг.

– Что я должен делать? – спросил Марат, всё ещё не понимая, зачем ему пистолет, сабля, треуголка и почему один глаз надо держать закрытым.

– Отбивать атаки, – пояснил ассистент и, показывая в сторону макета шхуны, добавил: – Когда всех одолеете, побежите туда. Там продолжим съёмку.

– А что там?

– Там пиратский клад!

Услышав это, Марат засуетился, нетерпеливо переступил с ноги на ногу и замахал саблей:

– Всё понял. Начинайте!

– Внимание! Мотор! Начали! – скомандовал режиссёр.

Ассистентка шагнула вперёд и щёлкнула деревянной табличкой:

– Сцена двенадцать, кадр первый!

Хлопок разнёсся по площадке, и платформа пришла в движение.

И семеро пиратов, махая саблями и улюлюкая так, будто им за это платили отдельно, кинулись на ошалевшего от неожиданности гоблина. Марат инстинктивно поднял саблю, сделал пару неловких движений, отбивая удары, и уже было собрался дать дёру, решив, что вообще-то он не пират, а приличный гoblin с домом и картами.

Но тут перед его внутренним взором всплыл сундук. Большой. Тяжёлый. Полный золота.

Мысль о нём вцепилась в Марата крепче любой цепи.

– Ладно... – прошипел он. – Сами напросились.

Марат схитрил. Он незаметно щёлкнул пальцами, пробормотал что-то на гoblinском диалекте, и магия тут же сработала. Его спина выпрямилась, движения стали плавными и точными, а сабля в руке вдруг перестала казаться тяжёлой железякой и превратилась в продолжение его руки. В одно мгновение гoblin стал искусным фехтовальщиком – по крайней мере, в своих глазах.

Первый пират замахнулся сверху. Марат отбил удар, провернул саблю, и – БДЫНЬ! – выбил оружие из рук бедняги. Сабля взмыла в воздух, описала красивую дугу и воткнулась в бочку. Пират замер, глядя на пустые руки, после чего аккуратно сел на землю от удивления.

Второй ринулся с криком «За капитана!», но Марат подсек ему ноги. Пират взлетел, сделал сальто, которого не планировал, и приземлился в копну реквизитных сетей, запутавшись в них, как селёдка в снастях.

Третий решил зайти сзади, но гoblin резко развернулся и ткнул его рукоятью сабли в живот. Пират охнул, сложился пополам и улёгся, обнимая землю и уверяя всех, что «так и было задумано».

Четвёртый и пятый атаковали одновременно. Марат взвизгнул от напряжения, крутанулся волчком, и сабля со свистом выбила шляпу у одного, а второго шлёпнула плоской стороной по задку. Первый остался стоять, потрясённо глядя на небо без шляпы, второй с воплем побежал, но споткнулся о кабель и эффектно растянулся, заслужив аплодисменты операторов.

Шестой пират попытался изобразить героическую смерть, но Марат, не поняв замысла, пнул его так, что тот перекатился через двух уже лежащих товарищей и остановился только у ног ассистента режиссёра.

Седьмой замахнулся слишком широко. Гoblin шагнул вперёд, ударил саблей по клинку, тот вылетел из руки пирата, а сам бедолага от неожиданности рухнул на спину, раскинув руки и глядя в небо с видом человека, который только что понял смысл жизни – и ему он не понравился.

Через несколько секунд все семеро пиратов ошалело валялись на земле: кто запутавшийся, кто обиженный, кто просто лежащий «на всякий случай». Один осторожно приподнял голову и спросил шёпотом:

– Мы уже умерли?

Марат тяжело дышал, стоя посреди побоища. Он был уверен, что это настоящая схватка и что только что чудом остался жив. Он не знал, что в кино всё постановочное, театрализованное и заранее отрепетированное.

Зато режиссёр знал – и был в восторге.

– Супер! – орал он, размахивая рупором. – Это восхитительно! Настоящий капитан пиратов Фокс Чёрный!

А тем временем Марат, не оглядываясь, бросился в сторону корабля. Его сапоги глухо стучали по платформе, сабля болталась в руке, а в голове звучало только одно слово: «золото».

– Придурки! – заорал режиссёр артистам, бестолку валявшимся на земле. – Догоняйте его! Сцена продолжается! Бой не закончен!

Потом он резко повернулся к технику, державшему штурвал платформы, и рявкнул:

– Едем за капитаном пиратов! Продолжим съёмку на шхуне!

Тот кивнул, дёрнул рычаг, завёл мотор, и платформа с режиссёром, операторами и осветителями заурчала и медленно поехала вперёд. Камеры заскрипели на креплениях, юпитеры качнулись, один оператор повис на ремне, продолжая снимать «динамичный кадр с движением», другой лёг на живот, чтобы взять низкий ракурс.

Артисты тем временем повскакали и бросились догонять Марата, улюлюкая и размахивая саблями.

– Стоять, капитан!

– Верни клад!

– За Роджера!

Кто-то бежал уверенно, кто-то прихрамывал, кто-то терял треуголку, но все старательно изображали смертельную погоню. Операторы снимали со всех сторон: сбоку, сзади, снизу, один даже бежал задом наперёд, чуть не врезавшись в бочку, но не прекращая съёмку.

Тем временем гoblin подбежал к макету корабля. С борта свисала верёвочная лестница, аккуратно закреплённая для каскадёров. Марат посмотрел на неё с презрением.

– Пф, – фыркнул он.

Он щёлкнул пальцем – и в тот же миг исчез, а через секунду уже стоял на палубе шхуны, слегка пошатываясь от телепортации.

– Это здорово! – заорал режиссёр в рупор. – Отличный трюк! Всё в стиле капитана Фокса Чёрного!

Марат же, не обращая ни на кого внимания, рванул к капитанской каюте. Она была тесной, но богато обставленной: деревянные панели, стол с разложенной картой морей, компас, подсвечник, койка с потёртым покрывалом, на стене – сабля и пистолет, а под окном – сундук, массивный, окованный железом, с огромным замком.

Марат подскочил к сундуку, пинком выбил замок – тот отлетел в стену и застрял там – и распахнул крышку.

Его сердце застучало так, будто кто-то бросал золотые монеты в барабан. Внутри блестя и переливались золотые монеты, драгоценные камни, кольца, диадемы, цепи и браслеты. Всё это сияло так ярко, что гоблину пришлось прищуриться.

– Это всё моё... – прошептал он, протягивая руки.

– Стой, негодяй! – раздался за его спиной театрально-грозный голос.

Марат резко обернулся и чуть не взвизгнул от ужаса. Перед ним, медленно переставляя ноги, шла мумия – обмотанная бинтами, с вытянутыми руками и пустыми глазницами. Конечно, это был актёр в костюме, но гоблин-то этого не знал.

– А-А-А-А! – завопил он и, отступив на шаг, быстро пробормотал заклинание.

Воздух в каюте взвыл, словно его засосало в трубу. Мумия вдруг взмыла вверх, пробила потолок каюты, крышу шхуны и, оставив аккуратную дыру, вылетела наружу, как ракета. На горизонте мелькнула маленькая точка, и через несколько секунд где-то далеко раздалось глухое «бум».

Актёра-мумии унесло километров за десять от места киносъёмки, где он мягко приземлился в стог сена, так и не поняв, в какой сцене это было предусмотрено.

На площадке повисла тишина.

А режиссёр, широко раскрытыми глазами глядя на дыру в шхуне, прошептал:

– Гениально...

В это время в капитанскую каюту с грохотом ворвались артисты-пираты. Они столпились у входа, размахивая саблями, и, как по учебнику актёрского мастерства, заговорили театральными, перекатывающимися голосами:

– Фокс Чёрный! Ты низложен!

– Ты больше не наш капитан!

– Долой Фокса Чёрного! За борт капитана!

– Три якоря тебе в печень!

Тут вперёд вышел второй пират – тот самый, которому Марат подсек ноги. Он заметно прихрамывал после падения, лицо у него было перекошено гримом и настоящей злостью, камзол висел криво, а сабля дрожала в руке. Однако он старательно держался в рамках отведённой роли.

– Ты не тронешь наш сундук, – прорычал он. – Это общая пиратская добыча!

Марат насмешливо посмотрел на них, прижимая лапой крышку сундука, не осознавая, что действует ровно так, как предписано сценарием – только куда убедительнее.

– Ещё чего! – огрызнулся он. – Это моя добыча!

Пираты вознегодовали. Они загудели, зашипели, застучали сапогами, кто-то демонстративно сплюнул на пол, другой злобно провёл пальцем по горлу, третий выругался так, что звукорежиссёр одобрительно поднял большой палец.

И тут второй пират резко вытолкнул вперёд девушку.

Это была красивая блондинка в рваном, испачканном платье, с растрёпанными волосами, большими голубыми глазами и следами «боев» на лице, аккуратно нарисованными гримёром. Она выглядела хрупкой, беззащитной и идеально подходила на роль несчастной возлюбленной капитана.

– Это твоя Матильда, Фокс Чёрный! – зарычал пират. – Если ты не отступишься, мы её убьём!

Блондинка закричала, театрально заламывая руки и протягивая их к гоблину:

– О, мой капитан! Спаси меня! Я твоя навеки!

По сценарию Фокс должен был вздрогнуть, уронить саблю и отступить. Но Марат лишь оскалится и произнёс с полным равнодушием:

– А мне всё равно – убивайте. А сундук я вам не отдам!

Он выставил вперёд саблю, заслоняя ею сокровища.

Артисты обалдели. Это была чистейшая импровизация, причём совершенно не по тексту. Но съёмка шла, камеры работали, режиссёр не кричал «Стоп», а значит – останавливаться было нельзя.

– Мы не шутим, капитан! – выкрикнул кто-то, стараясь спасти сцену.

– И я тоже, – презрительно ответил Марат. – Можете эту даму пустить на фарш.

Гоблин не шутил. Он терпеть не мог женщин – ни из рода гоблинов и троллей, ни людей, ни вообще кого бы то ни было, кто много кричит и мешает считать золото.

Матильда уставилась на него с искренним изумлением. В её взгляде читалось полное непонимание: по сценарию капитан должен был бросить саблю, упасть на колени и со слезами умолять пощадить возлюбленную. А вместо этого перед ней стоял зелёный коротышка с глазами жадного бухгалтера.

Пираты-артисты переглянулись.

И тогда второй пират, окончательно решившись, заорал:

– Атакуйте его, братцы!

– Вперёд! – подхватили шестеро остальных, бросаясь на Марата с криками и поднятыми саблями.

Марат понял, что пираты настроены враждебно и вполне серьёзно намерены набить ему морду. Он был недалёк от истины: артисты, обозлённые тем, как легко гоблин раскидал их на земле, жаждали реванша уже на борту судна. К тому же они решили, что импровизация – дело обоюдное, и отколотить «капитана» хотелось им уже не по роли, а по зову души.

Марат быстро оценил ситуацию, щёлкнул пальцами и пробормотал заклинание.

Тяжёлая абордажная сабля вырвалась из его руки, взмыла в воздух и... ожила.

Она сама кинулась на пиратов. Сабля вертелась, как бешеная оса, свистела, блестела и с точностью хищника выбирала цели. Она отбивала удары, отражала выпады, цепляла клинки, выбивала их из рук, протыкала камзолы ровно настолько, чтобы было страшно, но не смертельно, срывала повязки с глаз, разрезала шляпы и перерубала ремни.

Один пират остался без штанов и с криком прикрывал стратегически важные места. Другому сабля аккуратно срезала пуговицы, и камзол распахнулся, обнажив тельняшку и неожиданную робость. Третьему клинок выбил саблю, потом постучал его по лбу, словно укоряя за плохую игру, и отлетел к следующему.

В итоге артисты металась по палубе, размахивая пустыми руками, спотыкаясь о канаты, падая друг на друга и отчаянно крича:

– Я не готовился к этому!

– Это не по сценарию!

– Уберите реквизит, он дерётся!

Получалось так, что пираты сражались не с Маратом, а с его саблями, действующей самостоятельно и явно получающей от этого удовольствие.

Тем временем Марат спокойно захлопнул крышку сундука, обхватил его обеими лапами и вновь произнёс заклинание. На глазах изумлённой Матильды он просто исчез – не вспыхнул, не хлопнул, а растворился в воздухе, словно его и не было.

Сабля Марата, лишённая поддержки волшебства, звякнула и упала на палубу. Пираты-артисты остановились и тоже опустили клинки, тяжело дыша и озираясь.

Кинооператоры нервно переговаривались:

- Ты это снял?
- Снял... кажется...
- Это комбинированные съёмки?
- Или нас всех сейчас уволят?

Режиссёр стоял, нелепо выпятив губу, широко раскрыв глаза и глядя на пустое место, где только что был Марат. Его лицо выражало одновременно восторг, ужас, недоумение и желание получить «Оскар» за спецэффекты, которых он не заказывал.

И только ассистент орал, рвал на себе волосы и бегал по палубе кругами:

– Реквизит! Реквизит! Этот сундук с драгоценностями я взял на время! Меня убьют, если я его не верну завтра! Эти драгоценности из другого фильма!

Тем временем Марат вернулся домой. Он влетел внутрь, захлопнул дверь, быстро задвинул её огромным железным засовом, закрыл ставни на окнах и зажёл лампу, чтобы видеть помещение.

Бледный, дрожащий свет лампы разлился по комнате, но не смог скрыть грязь и беспорядок в доме гоблина. Пол был усыпан крошками фрошброта, обглоданными жабыми костями и старыми игральными картами, липкими от чего-то сладкого и подозрительного. В углах клубилась пыль, на стенах висели кривые полки с пустыми бутылками, ржавыми гвоздями и обломками непонятных механизмов. Стол был заляпан жиром и прожжён свечами, а под ним валялись мешочки с монетами, которые Марат когда-то выиграл сам у себя. Весь дом выглядел так, словно здесь давно проиграли битву чистоте.

– Моё золото... моё золото... – шептал Марат, прижимая сундук к груди.

Его глаза горели таким жадным светом, что освещали комнату лучше лампы. Он распахнул крышку сундука и запустил лапы внутрь. Монеты зазвенели, посыпались сквозь пальцы, как вода, с глухим стуком падая обратно. Гоблин снова и снова набирал их горстями, смеялся, тряс ими, наслаждаясь звоном.

– Я богатый! – растянул он пасть в широкой улыбке.

И тут улыбка медленно сползла с его лица.

Он поднёс одну монету поближе к глазам и прищурился. На ребре была выбита надпись мелкими, аккуратными буквами:

«Монета не является денежным знаком. Запрещено для обмена. Фабрика театрального реквизита. Город Магдебург».

– Что?! – вскричал гоблин, мгновенно посерев.

Он схватил монету, сунул её в пасть и со всей силы надкусил. Раздался неприятный хруст. Монета переломилась пополам.

Это было не золото. Это была пластмасса.

– Не может быть... – прошептал Марат дрожащим голосом.

Он в панике начал проверять остальное содержимое сундука. Алмазы и сапфиры оказались обычным стеклом – тусклым, с пузырьками внутри. «Платина» была грубым переплавом алюминиевых ложек, ещё хранивших форму ручек. Кольца оказались деталями от автомобильного мотора, слегка подкрашенными под старину. Диадемы были сделаны из проволоки, а цепи – из крашенных гаек.

Сундук был полон всякой дребедени: битых побрякушек, бутафорских украшений, фальшивых монет и дешёвого блеска, который только при слабом свете мог сойти за богатство.

Марат медленно опустился на пол, уставившись в сундук пустым взглядом.

– Меня обманули... Меня надули... – прошептал Марат, чувствуя, как внутри него поднимается горячая, липкая злость.

Оказывается, он сражался с пиратами не за золото, а за подделки. За блестящий мусор. Режиссёр и его ассистент знали это, знали с самого начала, и всё равно заставили его драться,

бегать и рисковать собственной гоблинской шкурой ради бутафории. Таких обманщиков следовало наказывать.

Конечно, сам Марат был далеко не честен и лукавил во всём, где только можно было схитрить. Он обманывал в картах, в торговле, в словах и в обещаниях. Но одно дело – когда обманываешь ты, и совсем другое – когда обманывают тебя. Он всю жизнь считал себя мастером надувательства, гением мелкого мошенничества, а тут его так легко провели за нос, как последнего доверчивого тролля.

Это было невыносимо.

Марат вскочил, схватил саблю, намереваясь вернуться на шхуну и устроить там настоящее пиратское правосудие. Но в этот момент в дверь постучали. Нет – не постучали, а грубо заколотили и, кажется, даже пнули ногой.

– Марат! Открой! Это полиция! – раздались крики. – Ты украл реквизит киностудии! Ты арестован!

Гоблин замер. До него медленно дошло, что его могут посадить – не за золото, не за преступление века, а за вещи, не имеющие никакой ценности. За пластмассу и стекло. Сражаться с полицией он не мог: государство всегда сильнее, даже если оно глупее.

Марат огляделся, подхватил свой сейф с настоящим золотом, прижал его к груди, прошептал заклинание – и исчез, растворившись в воздухе вместе со своим богатством, не оставив даже запаха жадности.

Когда полицейские выбили дверь, они никого не застали. Дом был пуст. Они обыскали всё: заглянули в чулан, сунулись в печку и трубу, спустились в подвал, перевернули стол и пнули пару бочек. Вора-гоблина нигде не было.

– Убежал, – сердито сказал сержант, поправляя ремень с кобурой.

– Где наш сундук?! – орал за его спиной ассистент режиссёра. Его трясло от волнения, лицо было красным, а волосы стояли дыбом. – Это реквизит! Это ответственность! Это катастрофа!

– Вот здесь, господин сержант, – сказал один из полицейских, указывая дубинкой в угол комнаты.

– Уф... – с облегчением выдохнул ассистент.

Рабочие тут же выволокли сундук и потащили его обратно на шхуну: съёмки нужно было срочно продолжать, уже с новым актёром.

Полицейские, ворча, покинули дом Марата. Объявления «Розыск! Разыскивается вор гоблин Марат! Награждение – 100 таллеров!» долго висели на афишах и заборах, до самой осени, пока ветер не сорвал их и не унёс вместе с чужими страхами.

Марат видел эти листовки издали и иногда думал: а не пойти ли ему в полицию и не сдать ли за сто таллеров? Но что-то подсказывало ему, что награду он не получит. Скорее всего, его просто посадят, а таллеры запишут в отчёт.

Фильм тем временем досняли, и он имел оглушительный успех. На Каннском фестивале картина получила «Пальмовую ветвь». На церемонии вручения «Оскара» режиссёр, задыхаясь от счастья, принял золотую статуэтку, а ведущий с торжественным видом объявил:

– Лучшим актёром года признан... гоблин Марат!

В зале раздались аплодисменты, вспышки камер ослепляли глаза, а на экране показывали кадры с диким, харизматичным капитаном Фоксом Чёрным – таким убедительным, что многие плакали.

Но Марат об этом не знал.

Он прятался в горах и лесах, жил в пещерах, ночевал под корнями деревьев и терпеливо ждал, когда ажиотаж уляжется, о нём забудут и он сможет вернуться в свой грязный, но родной дом.

(16 января 2026 года, Винтертур)

Телефонная жизнь гоблина Марата

Гоблин Марат не любил никого. Особенно гостей. Если уж говорить честно, к нему в гости почти никто и не ездил. Изредка лишь случайные прохожие досаждали – те самые, что шли мимо и, увидев домик, просили воды напиться. Марат воду им всё равно не давал: он высовывался из-за двери, скалил желтые зубы и сипло шипел, что превратит их в лягушек, жабы или, в особо плохом настроении, в болотный ил. Обычно этого хватало: люди бледнели, бормотали извинения и спешно ретировались, унося с собой сухие глотки и испорченное настроение.

Но были и незваные визитёры, с которыми особо не поспоришь. Чаще всего это были полицейские с проверкой документов или налоговые инспекторы, приходившие выклянчить деньги в государственную казну. Ни те, ни другие положительных результатов не достигали, но гоблин с ними и не ссорился, прекрасно понимая, что подобные конфликты могут выйти ему боком. Он поступал куда хитрее: как только на пороге появлялись люди в форме, Марат мгновенно замирал и превращался в мраморную статую. Каменную, холодную, с философски нахмуренными бровями и трещинкой на носу. А с памятника какой спрос? Полицейские пожимали плечами, инспекторы вздыхали и уходили, решив, что в этом доме давно никто не живёт.

И вот однажды к дому Марата ввалился какой-то мужчина в синей рабочей спецовке. Спецовка была выцветшей, с масляными пятнами и потертыми коленями, а сам мужчина был коренастый, лысоватый, с обветренным лицом и упрямым подбородком. Он тянул за собой длинный провод, который змеился по земле, цепляясь за корни и камни.

– Эй, хозяин, открывай дверь! – крикнул он несколько уставшим голосом.

Марат, гревшийся на пеньке неподалёку, недовольно приподнялся, сощурил глаза и спросил:

– А это кто?

– Я с телефонной станции! – коротко ответил рабочий, останавливаясь.

С его лица катился пот ручьём, рубаха под спецовкой промокла, а дыхание было тяжёлым. Он опустил на землю катушку с проводом и тяжёлую сумку с инструментами, которая глухо бухнулась, подняв облачко пыли.

Гоблину это ничего не говорило, и он рыкнул:

– И какого чёрта я тебя должен впускать в свой дом?

Марат тревожно косился на дверь: он боялся, что это грабитель и тот хочет украсть золото, спрятанное в сейфе. Однако мужчине и впрямь не было дела до гоблинских богатств – ему с лихвой хватало той работы, за которую платило государство.

– Я обязан поставить вам телефонный аппарат!

– Это ещё зачем? – недоумевал гоблин, уже полностью сползая с пня и настороженно упираясь когтистыми ногами в землю. Ему никогда не нравилось, когда люди пытались всучить ему что-то непонятное, громоздкое и явно бесполезное.

– Закон короля об обязательной телефонизации населения! Кто откажется – того в тюрьму!

Это снова ничего не говорило гоблину. Он нахмурился и подозрительно переспросил:

– Теле... телепокинация? Чего-чего?

Рабочий тяжело вздохнул. Видимо, ему редко попадались настолько необразованные существа, а с интеллектом у Марата, как он сразу понял, был полный вакуум. Если там и болталось с десяток молекул, то никакой умственной «погоды» в голове гоблина они явно не делали.

– Недавно король выступил с речью перед парламентом, – терпеливо пояснил мужчина. – Он сказал, что демократизация – это власть короля плюс телефонизация всей страны. Парламент выделил ресурсы для реализации королевского указа. Так вот, я – телефонист. И я обязан установить в доме каждого жителя телефон!

– А для чего? – настороженно спросил Марат, прищурив один глаз и почесав ухо.

– Чтобы король мог дозвониться до своего подданного! – бодро ответил рабочий, словно говорил о вещи очевидной и совершенно нормальной.

Марата это не успокоило, а наоборот – задело за живое.

– А с какой целью?! – подозрительно вытянул он шею.

– Чтобы узнать, как живётся подданному, – терпеливо пояснил телефонист. – Может, мнение его нужно услышать... или он окажет материальную поддержку нуждающемуся!

У гоблина сразу забежали глазки, словно по черепу пустили тараканов.

– А что такое материальная поддержка? – осторожно поинтересовался он.
Рабочий почесал затылок, явно подбирая слова.

– Ну-у... это самое... одежду из сэконд-хэнда дадут... просроченную еду в пакетах... ну, деньгами может быть... в детский сад детей устроят... по школе что-то решат...

– Деньгами! – именно это слово оживило гоблина. Он аж подпрыгнул на месте. – Хорошо, ставь этот телефон! Мне нужны деньги!

Телефонист ничего не ответил. Он молча вытащил из сумки чёрный аппарат, аккуратно поставил его на подоконник, протянул провод, закрепил его скобами, что-то щёлкнул отвёрткой, проверил связь, кивнул сам себе и начал собирать инструменты. Потом закинул сумку на плечо, подхватил катушку и пошёл обратно по дороге, устало волоча провод за собой, пока тот не исчез за поворотом.

Удивлённый Марат крикнул ему вдогонку:

– А мне что делать?

– Поднять трубку, когда позвонят! – донеслось издалека.

– А когда позвонят?

– Когда нужно!

– А мне нужны деньги сейчас!

Что ответил мужчина, Марат так и не услышал: то ли тот уже ушёл слишком далеко, то ли говорил вполголоса, то ли его слова утонули в щебетании птиц, которые разорались на деревьях, радуясь солнечному дню и не подозревая о гоблинских финансовых трудностях.

Озадаченный Марат вернулся в дом и стал разглядывать телефон. Это была чёрная коробочка с глянцевыми боками, тяжёлая, холодная, с трубкой на толстом витом проводе. На передней панели располагались кнопки, на которых белыми цифрами были пропечатаны странные знаки – от нуля до девяти. Телефон молчал и выглядел совершенно бесполезным, словно кусок угля с ручкой.

Ничто не свидетельствовало о том, что из этой штуки могут прислать деньги.

«Может, нажать на кнопки надо, типа, какая сумма мне нужна?» – предположил гоблин.

Он решительно ткнул пальцем и набрал шесть цифр подряд, не задумываясь, потом поднял трубку.

Сначала послышался гудок, потом сухой мужской голос произнёс:

– Да, я вас слушаю.

– Пятьсот тысяч тагриков! – выпалил Марат. – Или крупными купюрами, или монетами из золота!

На том конце повисла пауза, а затем голос радостно сказал:

– Спасибо за щедрое подношение нашему храму! Мы отправим к вам курьера, и он заберёт эти деньги!

У Марата аж дыхание сперло.

– Вы не поняли, – прохрипел он. – Это мне нужны пятьсот тысяч тагриков!

Голос на том конце провода внезапно завопил, словно его укусили:

– Мы не подаём милости! Мы только принимаем деньги! Мы – церковь! Нам несут деньги, дурак!

Марат аж отпрянул от трубки, но тут же возмутился:

– А как же телефонизация страны и... это самое... демократия! – гоблин с усилием вспомнил умное слово. – Сам король утвердил указ... Деньги – народу...

Незнакомец перебил его, не дав договорить:

– Демократия – это когда нам дарят земли, квартиры, машины, деньги и драгоценности!

– Так я тоже за демократию! – оживился Марат. – Дайте мне пятьсот ты...

Договорить он не успел: на том конце раздался резкий щелчок, и трубка оглохла. Пожав плечами, гоблин положил её на аппарат.

Но обдумать ситуацию он не успел. Телефон резко зазвонил. Он заорал так внезапно и пронзительно, что пыль посыпалась с потолка, а лампа жалобно дрогнула. Чёрная коробка подпрыгивала на подоконнике, будто в ней кто-то бесновался, а звонок резал уши, словно ножом.

Марат подпрыгнул как ужаленный. У него рефлекторно сжался кулак, и он уже хотел со всей силы треснуть по аппарату, но в последний момент сдержался. Его редко кто пугал – обычно пугались его. А сейчас этот визгливый ящик действовал на нервы, словно кто-то скребся когтями прямо по его мозгам.

Гоблин, скрипя зубами, схватил трубку и сердито повторил, подражая услышанному ранее тону:

– Да, я вас слушаю!

– Эй ты, старый хрыч! – заорал незнакомец. – Не слишком ли много просишь – три миллиона тагриков за твою дочь?! У меня сын тоже не с помойки! Калым слишком большой!

У Марата аж коленки затряслись от возбуждения. Глаза загорелись, уши вытянулись, а дыхание стало прерывистым – в голове мгновенно закрутились цифры, мешки с монетами и сундуки.

– Ну... три миллиона... – протянул он, делая вид, что размышляет. – Может, и много... но я согласен и за два с половиной миллиона тагриков!

– А ты прохиндей, старик! – фыркнул голос. – Не зря мой сын говорил, что ты удавишься ради денег!

Марат даже обиделся не стал – наоборот, радостно подтвердил:

– Удавлюсь... но не умру! Гоблины от денег не умирают!

На том конце провода повисла тишина.

– Э-э-э... – раздался наконец недоумённый голос. – Так ты... гоблин?

Хихикнув, Марат довольно ответил:

– Да, а что? Гони мне деньги! Мы же договорились о сумме!

– Так мой сын хочет жениться на дочери гоблина?! – голос сорвался почти на визг. Было слышно, как человек захлёбывается от ужаса и возмущения, словно ему предложили сунуть голову в пасть дракону. – Никогда этому не бывать!

И трубку швырнули так резко, что даже аппарат жалобно звякнул.

– Ты слышишь?! – донеслось ещё издалека. – Не бывать!

Марат услышал в трубке только короткие гудки:

– Тут-тут-тут...

Он медленно опустил трубку, почесал за ухом когтистым пальцем и философски пожал плечами:

– Странный человек... Даже не поинтересовался, что дочери у меня нет, – пробормотал гоблин. – Но вот деньги мне бы не помешали... жаль, сделка сорвалась!

Он только собрался снова заняться своими мыслями о богатстве, как телефон опять зазвонил. Марат сначала отошёл на шаг, подозрительно глядя на аппарат, словно это была ядовитая змея. Потом обошёл стол, плюнул через плечо, постучал костяшками по дереву, подёргал себя за ухо и лишь после долгих колебаний всё-таки схватил трубку.

– Да, – буркнул он в микрофон так, будто тот был в чём-то лично виноват.

– Ты, козёл, когда бабки заплатишь?! – раздался хриплый, наглый голос.

– Чего?

– Козёл, не понял что ли? Мы с братвой живо твой магазинчик подожжём, если сегодня к пяти вечера ты не положишь бабки на стол! Тебя, козла, мы предупреждали! И не вздумай в полицию звонить – мы тебе тогда кишки выпустим!

Марат нахмурился. Он задумался так глубоко, что даже перестал дышать на пару секунд. Дело в том, что кишок в привычном человеческом понимании у него не было: внутри гоблина находился компактный магический узел, пара мешочков с ядовитой слизью, что-то вроде каменного желудка и странная система полостей, по которым циркулировала злоба. Ничего вытаскивать там было нельзя – всё и так болталось на свободе.

– А что... – осторожно уточнил он, – кишки не на свободе? Они заперты?

– Ну ты, козёл, хватит тут хохмить! – заорал голос. – Бабки давай – вот и весь разговор! Марату это быстро надоело. Он щёлкнул пальцами и прошептал короткое заклинание.

За десятки километров от его дома здоровенный бандит с бритой головой вдруг захрипел, схватился за горло и начал стремительно уменьшаться в размерах. Его пальцы срослись, кожа покрылась слизью, рот расплылся до ушей – и через секунду на полу офиса сидела жирная зелёная жаба в золотой цепи, с выпученными глазами.

Она отчаянно заквакала и запырчала, сшибая пепельницы и стулья. Остальные рэкетиры заорали, попятились, а когда из телефонной трубки повалил густой фиолетовый дым с запахом серы и болотной гнили, бросились врассыпную, вылетая из помещения, как тараканы при включённом свете.

Жаба закашлялась, захрипела, несколько раз дёрнулась – и, не выдержав ядовитого дыма, сдохла, распластав лапы и уставившись стеклянными глазами в потолок.

А Марат тем временем схватил телефонный аппарат обеими руками, намереваясь с грохотом швырнуть его об пол и разнести вдребезги.

Но телефон снова зазвонил.

– Чёрт бы тебя побрал... – прорычал гoblin.

Он поставил аппарат обратно на подоконник, вытер руки о штаны и снова снял трубку.

– Да, кто там?! – рявкнул он.

– Шеф, всё пропало! Я на грани провала! – заорал кто-то басом, срываясь на истерику.

– Какого провала?

– За мной установили слежку! Явки провалены! Пароли расшифрованы! У меня есть граната – я закончу жизнь самоубийством! Я так спасу всю шпионскую сеть! Слава Трансбукии!

Трансбукия была далёкой страной за три десятым царством и за три девятым государством: бесконечные пески, нефть, верблюды, дворцы из бетона и золота, генералы в солнечных очках и шпионы, которые шпионили даже друг за другом. Но Марат об этом, разумеется, не знал.

Он только нахмурился и устало спросил:

– А мне чего звонишь?

– Передайте моим родным, что я горячо их любил и люблю сильно нашего султана! Да, пускай полагающийся мне гонорар отдадут... – голос вдруг задрожал, стал тоньше, словно уходил вглубь колодца, и оборвался.

А Марат, услышав слово «гонорар», мгновенно оживился. У него даже уши приподнялись.

– Давай, давай, говори про гонорар! – заорал он в трубку. – Сколько там тагриков? Или это тангриков? А может, тугарики? Или стеллары? Грубли? Дихнары? Обещаю, что деньги будут сохранены!

Он не врал ни на полслова: деньги действительно были бы сохранены – просто не для кого-то, а исключительно для него самого.

– Не молчи! Говори!

Но в трубке раздался уже другой голос – напряжённый, сиплый, испуганный, будто человек шептал, зажимая микрофон ладонью и оглядываясь по сторонам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.